

МОСКОВСКИЕ ПРОГУЛКИ СТЕФАНА ЛАМБЬЕЛЯ

Простите, Стефан, вы не оставите мне на память свой автограф? — мужчина интеллигентного вида смотрел на Ламбьеля со смесью удивления и восхищения, не до конца веря в то, что это действительно Ламбьель. Слегка озябший на московском ветру в коротенькой — явно не по погоде — черной курточке и рассматривающий достопримечательности старого Арбата.

Часом раньше Стефан в точно назначенное время спустился в холл гостиницы «Украина», где мы ждали его вместе с фотографом журнала «L'ÉD», сияя, как мальчишка в Рождество: «Вау! И это та самая гостиница, в которой я жил, когда приезжал на Гран-при в Москву несколько лет назад? Фантастика! Не иначе Гарри Поттер тут поработал! А какой замечательный был завтрак! Столько всего вкусного, что глаза разбежались. И номер — просто сказка. Не хотелось из него выходить».

Услышав, что автомобиль уже ждет у подъезда, Ламбьель кивнул на свою довольно объемистую сумку: «Это надо бы положить в багажник. В три часа у нас лед в Лужниках, и я не хотел бы опоздать на тренировку».

Агент швейцарского фигуриста Оливер Хенер в Москву не приехал, перепоручив своего подопеч-

В СЕРЕДИНЕ ОКТЯБРЯ
ВЫДАЮЩИЙСЯ
ШВЕЙЦАРСКИЙ
ФИГУРИСТ ПОСЕТИЛ
МОСКВУ, ЧТОБЫ
ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ
В ЦЕРЕМОНИИ
«ХРУСТАЛЬНЫЙ
ЛЕД». ДВУКРАТНОМУ
ЧЕМПИОНУ МИРА
И ВИЦЕ-ЧЕМПИОНУ
ОЛИМПИЙСКИХ ИГР
В ТУРИНЕ БЫЛ ВРУЧЕН
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ПРИЗ ЗРИТЕЛЬСКИХ
СИМПАТИЙ.

ного заботам Ари Закаряна, агента Евгения Плющенко.

«Мы не первый раз работаем вместе, — пояснил Закарян. — В частности, Стефан дал согласие выступить в моем шоу в нескольких российских городах в ноябре. Работать с ним — сплошное удовольствие. Никогда не опаздывает. Никогда не нарушает договоренностей. Никогда не капризничает. Одним словом, мечта агента. Впрочем, вы сами в этом убедитесь».

Подтверждение последовало почти сразу. На вопрос, что именно Стефан хотел бы увидеть в Москве, последовала обаятельная улыбка и ответ: «В данный момент я работаю по вашему графику и готов выпол-

нить любые пожелания. Да и сам с удовольствием посмотрю город. С погодой, как понимаю, нам сегодня повезло?»

С погодой действительно повезло. Было даже жаль, что прогулка ограничена двумя часами времени. Поэтому начали почти с центра Москвы — с Арбата.

«Обожаю гулять по незнакомым городам именно так, бесцельно, — говорил Ламбьель, рассматривая антураж улицы с неподдельным интересом. — Можно сказать, что спортсмены постоянно путешествуют, но на самом деле поездки на соревнования или длительные гастрольные шоу — это совсем другое. График бывает настолько

плотным, что не оставляет никакой возможности что-то увидеть. Только гостиницы и катки. И аэропорты. Если получается, я люблю просто гулять по улицам, рассматривать дома. Смотреть, как менялась архитектура, как новые здания сочетаются со старыми. Москва в этом плане интересный город. Очень нежные, пастельные цвета старинных зданий и резкая, я бы сказал агрессивная, архитектура высоток. Я обратил на это внимание еще тогда, когда приезжал в ваш город на этапы Гран-при».

На Арбате Ламбеля немедленно взял в оборот довольно наглый чернокожий зазывала с множеством разноцветных косичек на голове.

«Парень, — теснил он фигуриста к витрине сувенирной лавки, — ты стой. Ты ни в коем случае не проходи мимо. Ты просто не можешь уйти, если не купишь что-нибудь на память. И шапки меховой у тебя нет. Как можно в такую погоду — и без меховой шапки? Пойдем, мы тебе подберем все, что нужно. Тебе точно понравится!»

Не встречая достойного отпора, зазывала говорил все агрессивнее и агрессивнее. Впечатления на Ламбеля это, впрочем, не производило. С традиционно

КАК ДУМАЕТЕ, ОНА НЕ БУДЕТ ВОЗРАЖАТЬ, ЕСЛИ Я СФОТОГРАФИРУЮСЬ РЯДОМ? ОНА ТАКАЯ... BABUSHKA...

обаятельной улыбкой и какой-то совершенно немислимой внутренней выдержкой он спокойно отвел руки арбатского охотника за туристами от лацканов своей курточкой: «Друг, я обязательно что-нибудь у тебя куплю. Но в другой раз. Понимаешь, я приехал всего на два дня, и у меня даже нет чемодана. Я ужасно жалею, что его не взял. Но без него мне просто некуда положить всю эту красоту. Ты уж не обижайся, ладно?»

В сторону другого зазывалы — наряженной в яркие павловопосадские одежды женщины с кокошником — Ламбель потянулся сам. Спросил вполголоса: «Как думаете, она не будет возражать, если я сфотографируюсь рядом? Мне бы очень хотелось иметь такой снимок. Она такая... babushka...»

Слово «бабушка» Стефан произнес по-русски и с большой нежностью в голосе. Арбатская babushka на поверку оказалась крепкой бабенкой лет сорока. Она явно не обладала нахрапистостью своего чернокожего коллеги, поэтому прогулка по выбранному нами маршруту была продолжена без промедления. К храму Христа Спасителя.

Больше всего Ламбеля поразил тот факт, что менее двадцати лет назад на этом самом месте располагался крупнейший в Европе открытый плавательный бассейн. Впрочем, с таким же неподдельным интересом он

чуть раньше слушал мои рассказы о московских высотках, построенных в середине прошлого века на каждом из семи холмов Москвы, а услышав, что на самом деле высоток в Москве уже восемь и что в самой современной из них «Триумф-Паласе» — приобрела квартиру Татьяна Тарасова, даже оживился: «О! Нужно будет как-нибудь заглянуть к ней в гости!»

Ламбель дурачился и веселился, забираясь с ногами по просьбе фотографа на скамейки Александровского сада, позировал на фоне зарослей боярышника, рассматривал прохожих. Наблюдать за этим было немножко грустно. Пожалуй, ни один из фигуристов недавних поколений не вызывал своим уходом из спорта столько противоречивых чувств у своих болельщиков. Безусловно, ему, как никому другому, было тесно в рамках новых правил, но одновременно с этим он оставался едва ли не единственным, кто своими программами как бы раздвигал эти рамки вширь, ввысь, в глубину. В серьезной беседе о спорте, состоявшейся в рамках этого же визита, Стефан и сам признался, что ему не нравятся правила, в которых судьи пытаются измерить цифрами то, что измерить по определению невозможно, а именно искусство танца.

На самом деле трудно было отделаться от мысли, что Ламбель ушел из спорта и поэтому тоже. Двадцать восемь лет (а именно столько будет Стефану на момент Олимпийских игр в Сочи) вообще не возраст для фигуриста. Но первая же попытка пошутить на эту тему — мол, а может быть, отдохнуть годик-другой и тряхнуть стариной еще разочек — не вызвала у Ламбеля никакого энтузиазма. Серьезность, с которой он стал рассуждать на эту тему, не оставляла сомнений: олимпийская тема все еще слишком болезненное место.

«Понимаете, — говорил Стефан. — В 2002-м, когда я летел на свои первые Игры в Солт-Лейк-Сити, мне было шестнадцать лет, я никогда ранее не бывал в США, поэтому воспринимал все происходящее, как один большой Диснейленд. Каждый шаг приносил какие-то новые знания, новые, исключительно положительные эмоции, при этом мне постоянно казалось, что все это происходит не со мной, а как бы на расстоянии. Как в кино.

В Турине все было совершенно иначе. Игры стали колоссальным стрессом. Возможно, вся разница заключалась лишь в том, что в Солт-Лейк-Сити я был маленьким, а в Турине реально понимал, что способен бороться за медаль. Напряжение было колоссальным и не оставляло ни на секунду независимо от того, тренировался я, отдыхал или гулял по городу. Хотя я там вообще не гулял, кажется. Очень хорошо помню, как соревнования закончились и я подумал, что вот эти пережитые дни и серебряная медаль, выигранная при столь сумасшедшей конкуренции, — это реально самые лучшие и самые счастливые дни моей жизни. Что я, возможно, вообще самый счастливый человек на земном шаре. Я понимал это мозгами, но не чувствовал ничего, даже отдаленно похожего на счастье, — настолько тяжело было отойти от стресса.

фигурное катание

ИНОГДА Я ВЫГАСКИВАЮ КАКУЮ-НИБУДЬ ИЗ КУЛИНАРНЫХ КНИЖЕК, ВЫБИРАЮ РЕЦЕПТ И НАЧИНАЮ ГОТОВИТЬ

Но гораздо более ужасным было мое состояние в Ванкувере. Как только закончились соревнования, я вдруг осознал, что цель, к которой стремился несколько лет, вдруг как-то неожиданно осталась в прошлом. Я не добился того, чего хотел, но и возможность добиться тоже осталась где-то позади. Было совершенно непонятно, что делать дальше. Куда идти, чем заниматься. Абсолютное эмоциональное опустошение. И я не уверен, что когда-либо захочу пережить все это еще раз».

Чтобы отвлечь фигуриста от грустных мыслей, я немедленно сменила тему:

— Чем вы любите заниматься в выходной день, Стеф?
— Вспомнить бы, когда у меня был выходной, — засмеялся он. — Вообще я люблю быть дома. Люблю спать или просто валяться в кровати. Люблю готовить. Иногда весь день бывает посвящен тому, что с утра я выгаскиваю какую-нибудь из кулинарных книжек, выбираю рецепт и начинаю готовить то или иное блюдо. Очень люблю тайскую кухню, люблю печь. У меня очень хорошо готовит бабушка — учился я именно у нее. Бабушке сейчас

шестьдесят восемь лет, живет она в тридцати километрах от Лиссабона, и я всегда приезжаю ее навестить, если случается такая возможность. Какие она печет кексы!..

По выражению лица фигуриста было ясно, что если он еще и не умирает с голоду, то по крайней мере близок к этому.

На обед Ламбьяля ждали в одном из ресторанов ГУМа. На предложение заранее определиться с меню, Стефан пожал плечами:

— Знаете, я всеядный. Со мной очень легко в этом отношении. С удовольствием съем все, что предложат. Борщ? О! Если бы я умел готовить борщ, я бы варил его себе каждый день. С удовольствием! Единственное, чего я практически не ем, — это сыр. Не знаю, что случилось между мной и сыром в детстве, но не люблю я его ровно столько, сколько себя помню.

А вот расплавленный сыр таких чувств у меня не вызывает. Поэтому фондю — это одно из блюд, которые я постоянно готовлю дома для друзей.

— А какие предпочитаете напитки?

— Красное вино определенных марок.

— Можете назвать стоимость самой дорогой бутылки вина, которую вам когда-либо доводилось покупать?

— Нет. Скажем так: мне много раз доводилось бывать на приемах, где подавали, как я предполагаю, очень дорогие вина. Но я совершенно искренне не понимаю смысла в том, чтобы покупать вино за немислимые деньги. Дело даже не в стоимости — я достаточно хорошо зарабатываю, чтобы быть

фигурное катание

в состоянии заплатить за бутылку вина и тысячу евро, и две. Но зачем? Могу вам признаться, что я встречал в некоторых европейских городах богатых русских туристов, девушки которых отказывались пить шампанское, если бутылка стоила меньше десяти тысяч евро. Не могу этого понять.

— Вы говорите как человек, который с детства знает цену деньгам.

— В какой-то степени это действительно так. Мама очень строго нас воспитывала. Наверное, это необходимо, когда в семье трое детей. Иногда это обижало, но когда я вырос, то понял, что мама на самом деле очень много в нас вложила и многому научила. Самостоятельности, ответственности, умению добиваться задуманного. В этом году маме исполнилось пятьдесят, мы так здорово все вместе это отметили... Я счастлив, что у меня такая семья.

К концу прогулки Ламбьель бесповоротно очаровал всю «группу сопровождения». Периодически он чуть заметно поеживался от холода, но ни единым жестом не проявлял усталости или раздражения. Шутил, продолжал интересоваться всем, что видел вокруг. Выслушав легенду о том, как царь повелел выколоть глаза строителям собора Василия Блаженного, чтобы они никогда больше не смогли создать ничего более прекрасного, даже замолчал на некоторое время, рассматривая собор со всех сторон уже совершенно другими глазами.

А потом был небольшой импровизированный прием в одном из спортивных магазинов Bosco, где к про-

цессу одевания и переодевания швейцарца в самые разные коллекции олимпийской одежды были привлечены (точнее, привлеклись по собственному желанию) едва ли не все сотрудники женского пола. Шуршание упаковочной бумаги перемежалось девичьими вздохами, и, ей-богу, это можно было понять. Черноволосому швейцарскому парню шло все: белое, красное, синее.

— В повседневной одежде я предпочитаю черный цвет, — признался Ламбьель позже. Поскольку у меня черные волосы, то в черном я гарантированно хорошо выгляжу. А вот в спортивной экипировке очень люблю и белое, и красное.

— А красить волосы в какой-нибудь другой цвет никогда не пробовали?

— Конечно, пробовал. Еще в школе. Это был чисто исследовательский интерес. Мне ужасно хотелось посмотреть, как это будет выглядеть.

— Ну, и как это было?

— Ой... В общем, я никогда больше не пытался этот опыт повторить.

По ходу прогулки я искренне пыталась выяснить у Стефана, как ему удается совмещать нормальную жизнь с совершенно ненормальной популярностью.

— Популярность никогда не создавала мне никаких проблем, — улыбнулся он.

Я не поверила, засмеялась:

— Неужели никогда не доводилось выйти на улицу и оказаться в толпе девушек, готовых разорвать вас на мелкие кусочки в знак своей неземной любви? Или как минимум упасть в обморок под колеса вашего автомобиля?

фигурное катание

**ПО НЕЗНАКОМЫМ ГОРОДАМ
ОБОЖАЮ ГУЛЯТЬ ИМЕННО
ТАК, БЕСЦЕЛЬНО. КАК
ПОНИМАЮ, С ПОГОДОЙ НАМ
СЕГОДНЯ ПОВЕЗЛО?**

Ответом был залихватский смех.

— Ну, такое происходит время от времени, но это нормально. Попробую объяснить: по моему глубокому убеждению, мне очень повезло, что я имею возможность жить такой жизнью, какой живу. За это надо чем-то платить. Я плачу тем, что разделяю часть своей жизни с окружающими меня людьми. Не потому что меня кто-то заставляет это делать, а потому что сам чувствую такую потребность. Я никогда в жизни не отказывал людям в общении под какими-то надуманными предлогами. Если вдруг почувствую, что готов сделать это, то, наверное, первым скажу себе: «Стоп, парень! Если тебя начинает утомлять внимание людей, которые тебя любят, займись чем-нибудь другим».

Стефан все чаще поглядывал на часы, и становилось ясно, что перспектива опоздать на тренировку в Лужники совершенно его не радует. На выходе из ресторана он вновь поинтересовался: нельзя ли попросить фотографа каким-нибудь образом передать ему снимки, сделанные в Москве?

— Любите рассматривать свои фотографии? — спросила я, когда согласие было получено и Стефан в очередной раз засиял от удовольствия.

— Не в этом дело, — сказал он. — Для меня съемки — это часть работы. А вот мама всегда просит, чтобы я привозил ей снимки. Она собирает все: вырезки из газет, журналы, маленькие и очень трогательные подарки, которые мне дарят в разных странах. Говорит, что когда-нибудь я скажу ей спасибо.

— Наверняка скажете. Представляете, старенький, закутанный в теплый плед дедушка, собирающий вокруг себя многочисленных внуков и рассказывающий им удивительные истории о разных странах...

— Да-да-да. Подозреваю, что именно это мама и имела в виду. На самом деле я достаточно сентиментален. Иногда на глаза случайно попадает какой-то старый снимок, и в глубине души вдруг вскрывается целый пласт каких-то воспоминаний и переживаний. Подозреваю, что с возрастом это будет только усиливаться. Хотя могу вам сказать, например, что сейчас вообще не испытываю потребности читать то, что обо мне пишут. Зачем? Журналисты расскажут мне что-то такое, чего я о себе не знаю? Такое, естественно, тоже случается, но не реагировать же на это всерьез!

...Еще он не прокатился в московском метро. Не попал на Соборную площадь Кремля: слишком далеко от входа была расположена билетная касса, и бежать за билетами уже просто не было времени. Не смог посмотреть балет в Большом театре, хотя отчаянно мечтал об этом. Но тут уж ничего нельзя было поделать: единственный свободный вечер совпал у Ламбеля с театральным выходным днем.

С другой стороны, когда столько всего осталось не сделанным, нужно просто приехать в Москву еще раз. И он обязательно вернется. Не правда ли, Стефан?

Елена Вайцеховская

**Я УБЕЖДЕН, ЧТО МНЕ
ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО, ЧТО
Я ИМЕЮ ВОЗМОЖНОСТЬ
ЖИТЬ ТАКОЙ ЖИЗНЬЮ,
КАКОЙ ЖИВУ**

